

Научная статья

УДК 81'23 +

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-61-79

КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ СРЕДИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сунь Цюхуа¹, Карабулатова И. С.^{1,2,3*}

¹ Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

³ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: radogost2000@mail.ru

Поступила в редакцию 14.02.2025

Принята к публикации 05.03.2025

Аннотация

Цель статьи состоит в обосновании выделения идеологических ключевых понятий китайской культуры среди других ценностных кластеров с когнитивных позиций на основе понимания особенностей китайской мировоззренческой парадигмы.

Процедура и методы опираются на синергию современного научного исследования с проведением параметризации ключевых понятий идеологии в китайской языковой картине мира. Особенность кластеризации обусловлена спецификой передачи внутреннего содержания за счёт использования иероглифического письма на основе формирования терм-множеств с нечёткой логикой. Обоснование предложенной кластеризации базируется на когнитивном анализе эмпирического материала с учётом описания, систематизации и категоризации.

Результаты. Обосновывается применение когнитивных методов для формирования системы знаний в сфере идеологических понятий китайской мировоззренческой картины мира на основе сравнительного анализа различий категориальных свойств и когнитивных функций ключевых понятий в идеологии в разных культурах, что составляет уникальный полученный результат исследования. Впервые выделены 3 больших кластера: понятия собственно идеологической культуры, понятия духовной культуры и понятия институциональной культуры. Ключевые понятия идеологии образуют 2 группы: философские категории и политические концепции, что представляет отличительные особенности в сравнении с русским языком или другими европейскими языками.

Теоретическая и/или практическая значимость. Когнитивный базис идеологических понятий позволяет понять процесс формирования приоритета идеалов с безусловным преклонением и доминантой моральных принципов. Такой подход делает возможным моделировать основу социальной системы координат речеповеденческого профиля носителя китайской культуры.

Ключевые слова: китайская идеологическая культура, ключевые понятия, нечёткая логика, кластеризация, параметры

Благодарности и источники финансирования. Работа выполнена при поддержке приоритетного грантов Фонда общественных наук провинции Хэйлунцзян №23YYA308 и № YQJH2023126. Фонд общественных наук Хэйлунцзянского университета №JC2022W3.

Для цитирования:

Сунь Цюхуа, Карабулатова И. С. Когнитивное исследование ключевых идеологических понятий среди культурологических кластеров в китайской языковой картине мира // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 61-79. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-61-79>

Original research article

COGNITIVE STUDY OF KEY IDEOLOGICAL CONCEPTS AMONG CULTURAL CLUSTERS IN THE CHINESE LINGUISTIC WORLDVIEW

Sun Qiu Hua¹, I. Karabulatova^{1,2,3*}

¹ Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: radogost2000@mail.ru

Received by the editorial office 14.02.2025

Accepted for publication 05.03.2024

Abstract

Aim. The purpose of the article is to substantiate the identification of key ideological concepts of Chinese culture among other value clusters from a cognitive perspective based on an understanding of the features of the Chinese worldview paradigm.

Methodology is based on the synergy of modern scientific research with the parameterization of key concepts of ideology in the Chinese linguistic worldview. The peculiarity of clustering is due to the specifics of the transmission of internal content through the use of hieroglyphic writing based on the formation of term sets with fuzzy logic. The rationale for the proposed clustering is based on a cognitive analysis of empirical material, taking into account the description, systematization and categorization.

Results. In this regard, the use of cognitive methods for the formation of a knowledge system in the field of ideological concepts of the Chinese worldview is justified on the basis of a comparative analysis of the differences in categorical properties and cognitive functions of key ideological concepts in different cultures, which is a unique research result. For the first time, 3 large clusters were identified: concepts of ideological culture proper, concepts of spiritual culture, and concepts of institutional culture. The key concepts of ideology form 2 groups: philosophical categories and political concepts, which represent distinctive features in comparison with the Russian language or other European languages.

Research implications. The cognitive basis of ideological concepts makes it possible to understand the process of forming the priority of ideals with unconditional reverence and dominance of moral principles. This approach makes it possible to model the basis of the social coordinate system of the speech and behavioral profile of a native speaker of Chinese culture.

Keywords: Chinese ideological culture, key concepts, fuzzy logic, clusterization, parameters

Acknowledgments. The article was prepared with the support of priority grants from the Heilongjiang Provincial Social Science Foundation, No. 23YYA308 and No. YQJH2023126. Additionally, it received funding from the Heilongjiang University Social Science Foundation, No. JC2022W3.

For citation:

Sun, Qihua & Karabulatova, I. S. (2025). Cognitive study of key ideological concepts among cultural clusters in the Chinese linguistic worldview. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 61–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-61-79>

Введение

Современный вектор усиления все-стороннего взаимодействия Китая с Россией предоставил полномасштабные возможности для изучения и сравнения этносоциокультурных парадигм народов, что обусловлено тесными связями между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, обозначенными целым рядом международных договоров, затрагивающих сферу социально-гуманитарного сотрудничества. Эти договоры России и Китая обозначают новые вызовы для понимания ключевых понятий в области идеологии и духовно-нравственной культуры китайского миропонимания, что важно для эффективной международной коммуникации.

Особое место в реализации программных документов в сфере социально-экономического сотрудничества принадлежит Харбину как месту гармоничного сосуществования двух великих культур, являющемуся, с одной стороны, форпостом китайской культуры на границе с Россией, а с другой – выступающим флагманом китайской лингвокультуры на российском пространстве. Не случайно, именно провинция Хэйлунцзян является визитной карточкой русско-китайского диалога [1; 2], регионом с максимальным количеством смешанных русско-китайских браков, что открывает новые возможности как в плане изучения регионального билингвизма и этнического самосознания билингвов [3; 4], так и в выработке местного пиджина [5; 6]. В связи с чем возникает необходимость анализа ключевых ценностных доминант не только русского, но и китайского этнокультурного традиционного кода [7; 8].

Исследование концептуального аспекта понятия «этнокультурный код» необ-

ходимо для разработки методов анализа актуальных явлений в культурах России и Китая, поскольку они представляют собой воплощение культурных кодов, которые несут в себе скрытое содержание, характерное для каждой из изучаемых культур [9; 10]. Современная политика Китая активно использует тезис «древность на службе современности», что подчёркивает важность понимания ценностей этнокультурного кода, благодаря чему мировой прорыв КНР в ведущих стратегических областях науки и техники успешно адаптирует те идеи и концепции, которые отражают национальное культурное наследие страны, формируя позитивную этнонациональную идентичность [11; 12].

В связи с этим конфуцианство рассматривается как базис для формирования современной идеологии, для которого не характерно унифицированное единение [13, с. 396–398], что свидетельствует о семантических сдвигах в коммуникативной пост-интерпретации [14]. Современный политический дискурс правительства КНР рассматривает эти идеи Конфуция через призму гармонизирующего миролюбия Китая, который настроен на сотрудничество со странами других цивилизационных ориентиров как принципа единения, но без перестройки собственного этнокультурного ценностного кода как принципа унификации [15, с. 119].

Многовековое взаимодействие языков и культур России и Китая обнаруживает тесные историко-культурные семантические связи. Понимание особенностей культурного кода каждой из стран поможет не только лучше узнать народы, которые их создали, но и определить, как эффективно взаимодействовать в современном мире, где все культуры тесно связаны друг с другом.

Материалы и методы

Итак, мы рассматриваем ключевые понятия китайской идеологии как ценностные маркеры традиционного этнокультурного кода китайской цивилизации, которые вобрали в себя значение основополагающих культурных символов Китая, позволяющих воспроизводить этносоциокультурную матрицу китайского мироощущения на протяжении тысячелетий. Закреплённость идеологических понятий посредством иероглифов как специфических культурных символов способствует сохранению культурных традиций, обеспечивая витальность уникальной китайской цивилизации за счёт языковой социализации. Мы рассматривали такие словари, как словарь «Цыхай» (энциклопедический словарь, впервые изданный в 1936 г.), словарь «Цьюань» (этимологический словарь, впервые изданный в 1915 г.), «Большой словарь китайского языка» (1975 г.), «Словарь современного китайского языка» (1978–2016 гг.) и «Обратный словарь современного китайского языка» (1987 г.).

Фундаментальная статья Дж. Гомперца и С. Левинсона “Rethinking Linguistic Relativity” ознаменовала в 1991 г. старт так называемой «неосепировской парадигмы» благодаря новым возможностям в исследовании когнитивных теорий мышления на основе цифрового и другого экспериментального инструментария, позволяющего по-новому интерпретировать проблему лингвистической относительности Сепира-Уорфа [16].

Специфика иероглифического письма как уникальной семиотической системы сложного типа, выступающая как репозиторий ключевых маркеров традиционного ценностного этнокультурного кода китайской культуры [17], демонстрирует сложность метаграфовой органичной структуры, которая продолжает оказывать влияние на речемыслительную деятельность носителей китайского языка, определяя речеповеденческие стандар-

ты китайского национального характера [18, 104–105 页].

Теория метаграфовой организации видится органичной для определения семантических связей между терминологическими концептами [19], в том числе и для идеологической культуры. Использование метаграфов для понимания структуры нечётких знаний было предложено относительно недавно, в 2006 г., и закономерно, что это было сделано китайским исследователем Тан Женхуа [20], поскольку именно в китайской культуре максимально представлены «семиотические игры» как конструирование новых смыслов из семиотических знаков и/или их частей.

На наш взгляд, идеологические концепты, переданные иероглификой, можно представить как базу нечётких знаний, иначе именуемой базой нечётких знаний Мамдани, благодаря которой происходит разбивка полифакторного пространства на условные зоны с нечётко выраженными границами терм-множеств лингвосемиотических переменных, что является ключевой процедурой для идентификации любых понятий, не только идеологической сферы [21].

Сложность кластеризации культурного кода как такового, предложенного и разрабатываемого в духе Московско-Тартуской лингвосемиотической школы [22], обусловлена самой природой культуры как полифакторного понятия с нечёткой логикой и границами, потому что сам концепт «культура» тяготеет к определениям мира духовного, чем материального, в связи с чем возникает многообразие интерпретаций и пост-интерпретаций, апеллирующих к эмоциональной детализации оценочного восприятия, выступающего в виде одной из дополнительных осей в рамках социальной системы координат этноса.

О категоризации ключевых понятий китайской культуры

Эмоциональное наполнение идеологием в границах конкретной этнокультуры

определяется эмоционально-эмотивной дифференциацией, которая предопределена сложившимся нейрокогнитивным механизмом осмысления действительности, выработанным конкретной нацией.

Глубокое содержание китайской культуры определяет государство как фундамент существования, дополняемый идеями конфуцианства и даосизма, преклонением перед властью, а также моральными принципами взаимоотношений между людьми [23].

В качестве неизменяемых движущих языковых единиц с таким содержанием выступают ключевые слова, выполняющие функцию передачи культурного гена, обладающие культурно-просветительской функцией, а также служащие для сохранения культурного населения. Эти ключевые понятия составляют каркас китайской культуры, который может быть формализован с точки зрения градуальности [24]. Благодаря этому происходит иерархическое структурирование баз знаний, включённых в китайскую картину мира, за счёт наложения нескольких типов моделей: социальной, ментальной (этнопсихолингвистической) и естественно-биологической модели окружающего мира – на основе интенсивности востребованности идеологом.

Под **интенсивностью востребованности абстрактно-идеологических понятий** китайской картины мира мы понимаем количество встречаемости идеологом в интересующем нас дискурсе в чётко определяемом хронотопе как конкретизации промежутка времени.

Рассмотрим интенсивность востребованности абстрактно-идеологических понятий китайской картины мира на основе семантического расширения понятия 气 (ци, воздух): 1) 云气 (юньци, лёгкая облачная дымка), 2) 元气 (юаньци, изначальная энергия Ци), 3) 天气 (тяньци, погода), 4) 空气 (кунци, воздух), 5) 血气 (сюэци, кровь и дыхание), 6) 气度 (циду, внешний вид), 7) 气韵 (циюнь, стиль литературного произведения),

8) 气息 (циси, дыхание), 9) 气味 (цивэй, аромат, запах).

Основное значение слова 气 (ци) – «воздух», оно соответствует слову «воздух» в русском языке и air в английском языке. Однако ни слово воздух, ни слово air не имеют и не могут иметь так много других значений, как слово 气. Главная причина в том, что слова «воздух» и air в своей языковой культуре остаются нейтральными, а в китайском языке слово 气, начиная со времён глубокой древности, из нейтрального слова путём категоризации превратилось в философскую категорию, обозначающую сущность и первопричину. Она стала передаваться ключевыми словами культуры, благодаря 气 во многих сферах познания сформировались образцы восприятия и ценностные ориентиры, что привело к невозможности существования китайской культуры без ключевого понятия 气 [25, 36 页]. Во многих словах китайского языка морфема 气 передаёт абстрактное значение, а в русском и английском языках с помощью слов «воздух» и air этого сделать нельзя (см. табл. 1).

Например, в когнитивной китайской психологии слова, связанные с душой человека, его темпераментом, психологией, настроением и отношением невозможно представить без морфемы 气, а соответствующих русских слов с использованием её аналога – корня воздух-/воздух- – не существует, что свидетельствует о том, что когнитивная система, обусловленная языковым сознанием и мировоззрением, у китайцев и у русских разная, следовательно, различны и системы знаний и миропонимания, которые выражаются посредством языка.

Само **иероглифическое представление идеологического понятия в китайской картине мира** понимается нами как прототипическая иерархическая система автоматического управления знаниями духовно-нравственной и социокультурной сферы посредством идеологического кластера, в который включены особые

лингвосемиотические характеристики китайской нации. Например, такие слова, как 仁 (*жэнь, человеколюбие*), 义 (*и, справедливость*), 礼 (*ли, этикет*), 智 (*чжи, мудрость*), 信 (*синь, доверие*), не только являются основой конфуцианства, но и выражают его ценностные ориентации и социальные нормы. Или, например, слово 阴阳 (*Инь-Ян*) изначально обозначало северную и южную сторону гор и рек, но как ключевое понятие культуры оно трансформировалось в восприятие мира как единства противоположностей, которые одновременно порождают друг друга.

Таким образом, ключевые идеологические понятия китайской культуры – это понятия идейно-экзистенциальной, социально-гуманитарной и естественно-психофизиологической сфер китайского языка, обладающие характерными особенностями, составляющие и сохраняющие самобытность китайской цивилизации, обеспечивая её отличие от других культур.

Всего можно выделить четыре главные функции ключевых идеологических векторов китайской культуры: 1) культурный фундамент; 2) ценностные ориентации; 3) когнитивные эталоны (модели); 4) социальные нормы.

Следует отметить, что в традиционной китайской медицине используется модель «государство и подданные» для объяснения физиологических и патологических процессов в человеческом организме [26; 27], позволяя метафорически объяснять не только работу тела, но и провести аналогии идеологических понятий государства через строго структурированный характер психофизиологии человека [27]. Такой подход позволяет иначе взглянуть на китайский принцип толкования идеологием в этнокультурном ценностном коде, который становится ведущим в механизме восприятия и понимания идеологических концептов [28].

Приведём в качестве примера слова 性 (*син, пол*) и 生 (*шэн, рождение*). Значе-

ние иероглифа 性 (*син, пол*) берёт начало от иероглифа 生 (*шэн, рождение*), который первоначально означал врождённые качества человека. Древнекитайский философ Мэн-цзы (III век до н. э.) писал: 食色, 性也。 (*Ши сэ, син е.*), что в переводе означает: «Пристрастие к изысканной еде и страсть к женщинам являются врождёнными качествами». Тем не менее, слово 性 (*син, пол*) в том числе используется для обозначения различных атрибутов флоры и фауны, а также неорганических веществ. Такое использование способствовало тому, что слово 性 (*син, пол*) приобрело форму абстрактного понятия. В дальнейшем слово 性 (*син, пол*) стало обозначать одну из важнейших категорий китайской философии [29, 16 页]. Благодаря лингвофилософскому наследию Мэн-цзы современный идеологический публичный дискурс базируется на оси координат «человек – народ», подразумевая, что пересечение обоих векторов («человек в основе всего» и «народ в основе всего») представляют собой старт этнокультурного ценностного кода Китая. Грануляция вектора «человек в основе всего» позволяет включить в общественно-политический дискурс КНР вопросы практической аксиологии, связанной с именем Дэн Сяопина [30].

Другие важные категории китайской философии, такие как 天 (*тянь, небо*), 气 (*ци, воздух*), 道 (*дао, истинный путь*), 理 (*ли, закон, принцип*), 心 (*синь, сердце, душа*), также сформировались посредством процесса категоризации.

Признавая категоризацию одной из высших форм когнитивной деятельности человека, необходимо понимать её как нахождение сходств и различий в реалиях, их классификацию и формирование идеологических концептов [31; 32]. С точки зрения когнитивной семантики, категоризация осуществляется путём распознавания, идентификации, обобщения и абстрагирования, когда из множества сложных, совершенно различных предметов и образов формируется одно

общее понятие. С позиции когнитивной терминологии, для перехода нейтрального слова в ключевое понятие процесс категоризации играет огромную роль, помогая ему обрести узкий и широкий смысл.

Несмотря на то, что национальная культура объединяет различные сферы, тем не менее, ключевые понятия китайской культуры нельзя классифицировать только в соответствии с культурной сферой. Предлагаемая ниже классификация типов ключевых понятий китайской культуры основана на обобщении и комбинировании трёх аспектов: 1) сфера использования; 2) способ образования значения; 3) культурная функция.

Следует отметить, что все три категории находятся в динамическом непостоянстве по тематическим параметрам, что усложняет решение задач по автоматическому переводу этих понятий из-за необходимости предпроектной обработки текстов с идеологической составляющей. В широком смысле классификация категорий идеологом начинается с атрибутирования на основе установления тождественности нового и старого понятий путём поиска совпадения признаков характеристик, благодаря чему происходит верификация концепта, относящегося к сфере культуры в конкретный временной промежуток [33].

Исходя из этого, задача идентификации ключевых идеологических понятий китайского этнокультурного ценностного кода заключается в установлении объёма признаков, характерных для той или иной ключевой идеологемы китайской культуры, сравниваемых с особенностями семантического наполнения сходных понятий. Благодаря этому происходит расчёт коэффициентов корреляции того или иного идеологического концепта культуры, что позволяет более чётко установить зависимости семантических связей как между отдельными понятиями внутри одной категории, так и между разными категориями.

Осознание реальности эмотикемного сопровождения в восприятии каждого ключевого понятия китайской культуры позволяет провести более чёткую грануляцию внутри каждой категориальной группы.

Ведущей движущей силой саморазвития понятийного пространства культуры является его изначальная семантическая неоднородность, зачастую проявляющаяся через полиглотизм, под которым понимается заложенная в концепте культуры реализация свёрнутого текста, использующего как минимум два семиотически различных кода с доминантой конвенциональности (или символизма, по Ч. С. Пирсу) или иконичности.

Категория А. Понятия идеологической культуры

В данную категорию входят слова, выражающие понимание мира древними китайскими мыслителями, а также основные идеи политических деятелей об управлении государством и миром. В данной группе можно выделить две группы:

A1. Группа философских категорий: 天 (тянь, небо), 气 (ци, воздух), 道 (дао, истинный путь), 理 (ли, закон, принцип), 心 (синь, сердце, душа), 性 (син, пол), 阴阳 (Инь-Ян, женское и мужское начало) и др.

A2. Группа политических концепций: 文 (вэнь, гражданский), 武 (у, военное дело), 教 (цзяо, образование), 政 (чжэн, политика), 法 (фа, закон), 刑 (син, наказание), 治 (чжи, управление), 和 (хэ, мир без войны), 平 (пин, отсутствие катастроф, жизненный достаток) и др.

Смысл слов группы A1 обозначает философскую категорию сущности мира и вселенной, их истоки и законы. Значение этих философских категорий произошло от бытового значения слова в результате его метафоризации. Например, слово 天 (тянь) изначально означало макушку головы, небо, а при использовании его в качестве культурной категории оно стало обозначать природу, творение.

Из-за того, что внутреннее содержание данного слова включало высокий уровень абстракции, его коннотация была очень разнообразна, а его широкий смысл получил распространение и стал применяться во многих областях культуры [34].

В древности китайцы верили в концепцию 天人合一 (*тянь жэнь хэ – единство неба и человека, единство природы и человека*). При этом сама человечность (人道 – жэнь дао) одновременно является и законом природы (天道 – тянь дао). Но, если понятия группы А1 были восприняты философами древнего Китая как обозначения из разряда «тянь дао», то понятия группы А2 выражают «жэнь дао», т. е. человеческое воплощение «тянь дао». Ярким примером раскрытия семантики является известный трактат Лао Цзы «Дао Дэ Цзин» (道德经, *Dàodéjīng* «Канон Пути и благодати»)¹. В политологии есть высказывание: 文武之道, 一张一弛 (*вэнь у чжи дао, и чжан и чи*), которое дословно можно перевести как: «Управление руководствуется и мирными, и военными принципами, то ослабляя, то натягивая лук».

Данные категории принадлежат к разным классам, однако общим между ними является то, что группы А1 и А2 объединены общей культурной функцией, то есть образуют культурный фундамент китайского народа. Отличительная особенность группы А1 заключается в её осознании как базисной для многих сфер, что отражает китайскую специфику построения системы знаний. Группа А2 является обобщением исторического опыта и политических концепций, но не осознается как базис для употребления во многих сферах.

Другими словами, разница между двумя группами языковых единиц ки-

тайской философии состоит в том, что группа А1 – это когнитивный прототип многих других областей, и знание, образуемое на базе лексики группы А1, как правило, имеет китайскую специфику. Единицы группы А2 выражают политическую концепцию, сформированную при обобщении исторического опыта, но не могут служить когнитивным прототипом.

Категория В.

Понятия духовной культуры

В эту категорию входят понятия, отражающие духовные потребности китайцев с древнейших времён и до настоящего времени. В этой категории выделяют две группы:

В1. Слова, выражающие поклонение перед идеалами: 龙 (лун, дракон), 凤 (фэн, феникс), 神 (шэнь, божество), 命 (мин, жизнь), 佛 (фо, Будда), 禅 (чань, школа созерцания), 仙 (сянь, даосский отшельник, святой) и др.

В2. Слова, выражающие моральные принципы и качества человека: 仁 (жэнь, человеколюбие), 义 (и, справедливость), 礼 (ли, этикет), 智 (чжи, мудрость), 信 (синь, доверие), 德 (дэ, гуманность), 敬 (цзин, уважение), 忠 (чжун, верность, преданность), 孝 (сяо, почитание родителей), 慈 (ци, милосердие), 善 (шань, доброты), 圣 (шэнь, мудрость), 贤 (сянь, добродетель), 节 (цзе, воздержание), 廉 (лянь, бескорыстие) и др.

Понятия группы В1 обозначают сверхъестественные представления о вещах и предметах, стремление к потустороннему. Понятия группы В2 первоначально относились к общепринятым выражениям, но из-за того, что они обозначали предметы, явления, свойства или поведение, постепенно они приобрели оттенок особого почитания и преклонения. Данные слова наделены моральными ценностями и идеологическим статусом; в связи с их частотностью они глубоко укоренились в сознании людей.

¹ Лао Цзы. Дао Дэ Цзин. Новый перевод с элементами структурного синтаксиса; текст оригинала в версии Ван Би, подстрочный перевод, адаптированный перевод, словарь. Санкт-Петербург: BooksNonStop, 2022. 277 с.

Таким образом, эти слова стали символами лучших качеств китайской нации и ключевыми понятиями китайской культуры.

Понятия категории В отличаются от понятий категории А тем, что терминологическое значение категории В обычно отражает повседневный смысл и практически не употребляется в переносном значении.

Категория С. Понятия институциональной культуры

Ключевые понятия институциональной культуры обеспечивают эффективное сохранение социальной культуры, а также упорядоченное функционирование представлений об общественных авторитетах и иерархии. Главные культурные функции этой категории слов заключаются в обеспечении адекватного восприятия норм общественного порядка.

Понятия данной категории можно разделить на три группы:

С1. Слова, осуществляющие номинацию по племени или роду: 华 (хуа, Китай), 夏 (ся, древнее название Китая), 夷 (и, некитайские народности в Восточном Китае), 胡 (ху, северные иноплеменники), 汉 (хань, люди китайской национальности хань), 中 (чжун, срединное государство), 西 (си, западные страны), 洋 (ян, заморские страны) и др.

С2. Слова, обозначающие степень родства: 祖 (цзу, предок), 宗 (цзун, род), 夫 (фу, муж), 妻 (ци, жена), 父 (фу, отец), 母 (му, мать), 伯 (бо, старшие братья отца), 叔 (шу, младшие братья отца), 舅 (цзю, братья со стороны матери), 姑 (гу, сестры отца), 姨 (и, сестры матери), 侄 (чжи, племянники отца), 甥 (шэн, племянники матери), 兄 (сюн, старшие братья), 弟 (ди, младшие братья) и др.

С3. Номинация лиц по социальному статусу и роду занятий: 帝 (ди, император), 王 (ван, князь, государь), 臣 (чэнь, подданный), 将 (цзян, полководец), 相 (сян, царский советник), 官 (гуань, чиновник), 士 (ши, служилое сословие),

民 (мин, народ), 农 (нун, крестьянин), 工 (гун, ремесленник), 商 (шан, торговец), 兵 (бин, воин), 师 (ши, учитель), 生 (шэн, ученик) и др.

Номинация по племени или роду (группа С1) – это своеобразный знак групповой идентификации, рубеж, разграничивающий объединения внутри нации. В китайском языке есть выражение 非我族类, 其心必异 (фэй во цзу лэй, ци синь би и), которое буквально означает следующее: «Если человек не принадлежит к нашему роду, то у него непременно другое сердце, отличное от нашего». Для сохранения китайской культуры предки древних китайцев подчёркивали границу между некитайскими и китайскими племенами, протестовали против перехода китайцев в другие народы, принимали строгие меры против ассимиляции других народов в китайцев. Впоследствии китайские и некитайские племена стали именоваться собирательным словом хухань (胡汉), а уже после этого они превратились в жителей Китая и западных стран под общим названием чжунси (中西); ещё позднее они получили обозначение хуаян (华洋).

На самом деле невозможно постоянно поддерживать название рода как обозначение культурной границы, потому что культурные контакты происходят всегда. Несмотря на то, что с течением истории северные некитайские племена вторгались на территорию китайских племён, в последующие эпохи большинство северных иноземных жителей стали хранителями китайской культуры.

Институт семьи (группа С2) представляет собой необходимое условие культурного общества; появление слов, обозначающих родство, представляет собой обязательный результат функционирования института семьи, одновременно являясь понятиями, сохраняющими соответствующий брачный и семейный порядок. В китайском обществе строго определена сложная система номинации родства для сохранения кровных уз.

Такая традиция позволяет сохранять семейные моральные принципы и патриархальный порядок общества. После Синьхайской революции патриархальная система была ослаблена, но система родовых номинаций по-прежнему передавался по наследству. В последние годы система родовых номинаций вытесняет обращение «товарищ» и вновь становится популярной, что показывает усиление традиционной культурной жизни.

Номинация по социальному статусу и роду занятий (группа С3) способствовала тому, что значение ключевых понятий китайской культуры стало соответствовать бытовому значению слова. Культурные функции данных номинаций заключаются в создании представления о социальном положении, определении общественных функций и норм социального поведения, сохранении эффективного управления обществом и стабильности общественного порядка с помощью внедрения в человеческое сознание соответствующих обязанностей.

Китайское общество постепенно развивалось: сменялись династии, каждая из которых учреждала свои, новые названия должностей чиновников. Приведённые нами названия заключают в себе распространённые в китайской культуре смыслы и имеют широкое применение.

Область применения ключевых идеологических понятий китайской культуры

Понятие «культура» имеет огромное количество значений в различных научных областях, а слова, обладающие культурной коннотацией, невозможно сосчитать [35]. Среди такого большого количества слов непросто определить область применения ключевых идеологем китайской культуры [36]. Если предположить, что у терминологических понятий нет чётких границ, то это представляет дополнительную сложность в ситуации размытости границ и нечёткой логики,

в связи с увеличением семантических связей и логической запутанности вследствие доминирования эмоционально-оценочного компонента [34; 37]. Поэтому мы вводим ряд критериев включения слов в число ключевых идеологических понятий китайской культуры и выносим эти критерии на обсуждение.

Во-первых, ключевые идеологические понятия китайской культуры не являются обычными словами с культурным значением. Например, такие слова, как 仁 (*жэнь, человеколюбие*), 义 (*и, справедливость*), 忠 (*чжун, верность, преданность*), 孝 (*сяо, почитание родителей*), с древних времён и до настоящего времени связаны с нормой и эталоном морали для китайцев и представляют собой ключевые понятия культуры, однако такое слово, как 功夫 (*гунфу*), обозначающее традиционное боевое искусство ушу, относится к обычным словам.

Во-вторых, знаки культуры, которые представляют собой символы идеологической культуры, например, такие, как 官 (*гуань, чиновник*) и 民 (*минь, народ*), не относятся к достижениям китайской цивилизации, также как, например, великие изобретения Древнего Китая: бронзовые изделия, Великая китайская стена, чай, шёлк и др.

В-третьих, ключевые слова китайской культуры должны быть исконно китайскими словами. Исключение здесь могут составить лишь иноязычные слова 佛 (*фо, буддизм*) и 禅 (*чань, школа созерцания*), которые стали неотъемлемой частью лексики китайского языка и китайской культуры.

В-четвёртых, к ключевым словам китайской культуры также следует относить названия предметов и явлений, имеющих символический смысл духовной культуры, например 龙 (*лун, дракон*), 熊猫 (*сюнмао, панда*).

В-пятых, при выборе из синонимичного ряда ключевого слова китайской культуры, следует выбирать самые частотные и короткие слова.

Полисемия и категоризация значений ключевых идеологических понятий китайской культуры

Когнитивная терминология рассматривает полисемию понятий как неизбежный результат языкового восприятия, она может объяснить процесс категоризации значений ключевых слов китайской культуры. Некоторые семы при полисемии образуют одну смысловую категорию, среди них одни семы занимают место в первоначальной прототипической категории, а другие семы возникают на основе метафорического или метонимического расширения значения.

Структура ключевого понятия культуры категории В 仁 (*жэнь*, человеколюбие) показывает нарастание значений в семантике. Во времена мыслителей Конфуция и Мэн-цзы слово *человеколюбие* посредством категоризации приобрело дополнительные значения морально-этической категории «гуманность»: *доброжелательность; благожелательность; гуманное правление; гуманист*. Кроме того, слово получило дальнейшее расширение в формулах вежливости (*цзинци, учтивые выражения*), встречаясь в таких производных словах, как *милостивый государь, уважаемый* для выражения уважения и почтения.

Одним из ключевых понятий китайской языковой картины мира является 王 (*ван, правитель*). Следует отметить, что значение *Сын Неба, император* возникло для специального именованья императора в период правления династии и государства Шан. В период Сражающихся царств слово *ван* использовалось вассальными князьями для обозначения государя, благодаря чему произошёл семантический сдвиг, вследствие которого утратилось сакральное значение обозначения связи с Небом, актуализировав значение *государь, монарх*.

Однако после династий Цинь и Хань вместо слова *Сын Неба* стало использоваться название 皇帝 (*хуанди, импера-*

тор), а понятие *ван* утратило значение «*государь, монарх*», став обозначением самого высокого титула среди многочисленной феодальной знати (типа: *князь, господин*). В этой связи интересно предпочтительное использование формы *Ваня* русского имени *Иван* среди китайцев, выбирающих для себя русское имя для общения с русскоговорящими представителями постсоветского мира. Вместе с тем появились и новые значения: *руководитель; предводитель, главарь; вор и разбойник; самый выдающийся, самый важный, самый сильный; козырная карта; царская водка* и т. п. С точки зрения использования рассматриваемого слова это пример расширения значения. При определении отличительных характеристик (как *исключительный среди равных*) применение слова *ван* переносится из области человеческой жизнедеятельности в область природы, указывая на то, что среди животных и растений также выделяется самый сильный и самый важный экземпляр. Например, *пчелиная матка* (ср. королева пчёл), *муравьиная матка* (королева), *вожак обезьян*. В значении *самый сильный* это слово зачастую используется в области неживой природы, обозначая самую важную, сильную, самую яркую в своём проявлении вещь, например, *王牌* (kozyрная карта), *王水* (царская вода).

Таким образом, слово *ван*, первоначально относящееся к институциональной культуре, путём метафоризации понятия перешло в область материального, оказавшись вне духовной культуры, и тем самым в полной мере проявило объём своих категориальных свойств. Область применения слова *ван* во всех его значениях постоянно расширяется и приходит к абстрактному внутреннему значению «самая яркая, самая большая сила или мощь». Первоначальное значение стало ключевым смыслом категории и завершением развития полисемии и категоризации слова.

Анализ различий когнитивных функций ключевых идеологических понятий китайской культуры

Из проведённого нами анализа категоризации значений таких ключевых понятий культуры, как 气 (ци, воздух), 仁 (жэнь, человеколюбие) и 王 (ван, князь, государь), между ними можно увидеть различия: со стороны категоризации значений понятие 气 (ци, воздух) шире, чем понятия 仁 (жэнь, человеколюбие) и 王 (ван, князь, государь).

Основная функция ключевых понятий культуры – наименование, а начальная и конечная стадии наименования – познание. Другими словами, познание проходит через процесс номинации [38; 39]. Возможности когнитивных функций зависят от возможного количества номинаций разных типов объектов. Из приведённого нами анализа можно сделать вывод, что 气 (ци, воздух) имеет 11 частотных значений, а 仁 (жэнь, человеколюбие) и 王 (ван) имеют 5 и 6 ча-

стотных значений соответственно. Следовательно, понятие *ци* обладает сильной когнитивной функцией в китайской языковой картине мира, а понятия *человеколюбие* и *ван* – слабой.

Однако рассмотренные нами три понятия составляют лишь малую долю ключевых понятий китайской культуры. Для получения более точных статистических данных, мы отобрали по 4 понятия из каждой категории культурных кластеров А, В, С, рассмотрев количество значений каждого из понятий в «Большом словаре китайских иероглифов», «Большом словаре китайского языка» и «Словаре современного китайского языка» (см. табл. 2).

Исходя из данных табл. 2, можно сделать следующие выводы: количество значений ключевых понятий культуры категории А значительно превышает количество значений понятий категорий В и С. Следовательно, когнитивная функция ключевых понятий китайской куль-

Таблица 2 / Table 2.

Сравнение количества значений различных ключевых идеологических понятий из каждой категории культурных кластеров А, В, С / Comparison of the number of meanings of various key ideological concepts from each category of cultural clusters А, В, С

категория понятий	А. понятия идеологической культуры				В. понятия духовной культуры				С. понятия институциональной культуры			
понятия / словари	天 (тянь, небо)	气 (ци, воздух)	道 (дао, истинный путь)	理 (ли, закон, принцип)	仁 (жэнь, человеколюбие)	义 (и, справедливость)	忠 (чжун, верность, преданность)	孝 (сяо, почитание родителей)	帝 (ди, император)	王 (ван, князь, государь)	夫 (фу, муж)	妻 (ци, жена)
Большой словарь китайских иероглифов	15	22	35	23	10	15	4	6	5	6	8	1
Большой словарь китайского языка	17	29	36	20	6	10	3	5	8	7	6	2
Словарь современного китайского языка	11	13	15	6	2	6	1	3	3	6	4	1
Итого	43	64	86	49	18	31	8	14	16	19	18	4
Общий итог	242				71				57			

туры категории А сильнее, чем у категорий В и С.

Мы также учитываем развитие лексического уровня языка с течением времени, когда простые слова объединяются в сложные для обозначения новых понятий. Этот процесс также расширяет когнитивную функцию рассматриваемых нами ключевых понятий китайской культуры. Поэтому мы также подсчитали количество двусложных слов, связанных с уже рассмотренными нами 12 ключевыми понятиями (см. табл. 3).

Таким образом, количество двусложных слов, связанных с ключевыми понятиями китайской культуры категории А, значительно превышает количество двусложных слов, связанных с понятиями категории В и С. Это ещё раз подчёрки-

вает правильность нашего вывода: когнитивная функция ключевых понятий китайской культуры категории А сильнее, чем у категорий В и С. Конечно, не существует простой зависимости между силой когнитивной функции и ролью ключевого понятия китайской культуры. Это перспективы для наших дальнейших исследований.

Данная система ценностных понятий китайского этнокультурного кода выстроена в соответствии с новыми установками в области социального инжиниринга на основе китайской коммунистической идеологии, которые тесно связаны с деятельностью Си Цзиньпина с момента возглавления им ЦК КПК на позиции генерального секретаря в ноябре 2012 г. [40]. Трактовка идей о социа-

Таблица 3 / Table 3

Сравнение количества двусложных слов, связанных с различными ключевыми понятиями из каждой категории культурных кластеров А, В, С / Comparison of the number of disyllabic words associated with different key concepts from each category of cultural clusters A, B, C

категория понятий	А. понятия идеологической культуры				В. понятия духовной культуры				С. понятия институциональной культуры			
	天 (тянь, небо)	气 (ци, воз- дух)	道 (дао, ис- тин- ный путь)	理 (ли, за- кон, прин- цип)	仁 (жэнь, чело- веко- любие)	义 (и, спра- ведли- вость)	忠 (чжун, вер- ность, предан- ность)	孝 (сяо, почи- тание родите- лей)	帝 (ди, им- ператор)	王 (ван, князь, госу- дарь)	夫 (фу, муж)	妻 (ци, жена)
словари												
Словарь «Цыхай»	230	50	44	23	16	39	6	15	20	36	13	3
Словарь «Цьюань»	343	38	53	23	22	67	17	24	48	62	22	11
Большой словарь китайского языка	598	148	381	175	87	54	132	68	139	196	39	19
Словарь современного китайского языка	108	61	40	29	9	25	14	8	7	24	7	6
Обратный словарь современного китайского языка	57	157	111	64	13	32	2	8	3	14	32	3
Итого	1336	454	629	314	147	217	171	123	217	332	113	42
Общий итог	2733				658				704			

лизме с китайской спецификой в новейшую эпоху, заявленная Си Цзиньпином, способствовала переструктурированию идеологии Компартии Китая уже в 2017 г. Пост-интерпретация постулатов конфуцианства позволила Си Цзиньпину сформулировать идею поступательного формирования среднезажиточного общества в Китае под названием «сяокан», что должно привести в 2049 г. (к 100-летию образования КНР) к новой ступени развития Китая на основе использования ценностей историко-культурного наследия – успешному, демократическому социалистическому государству как эпохальному расцвету китайской цивилизации в гармоничных решениях.

Вместе с тем термин «сяокан» не является новацией, а имеет непосредственное отношение к пост-интерпретации конфуцианского видения социального инжиниринга. Впервые это понятие было упомянуто в древнекитайском памятнике «Ши цзин» («Книга стихов» / «Книга песен»), относящемуся к знаменитому «Пятикнижию» (III до н. э. – III н.э.) [41]. Понятие «сяокан» подразумевает под собой внимательную заботу для умиротворения социальных настроений и гармонизации общественной жизни, как «дай народу возможность отдохнуть и перевести дыхание» (сяокан). Концепция «сяокан» развивалась с течением времени, встречаясь в трактатах эпох Цзинь (265–420) и Сун (960–1279), продемонстрировав грануляцию семантического значения: 1) знак гармоничного развития и экономического роста для государства; 2) символ благополучия и финансовой стабильности для семьи. Концептуальное пространство «сяокан» закрепило оба значения в историко-культурной практике китайского социума, прочно войдя в китайскую языковую картину мира. Концепция «сяокан» наглядно отражает пост-интерпретацию конфуцианской концепции о первичности моральных принципов (искренность, нравственность, справедливость, ответственность,

гармоничность), доказывая, что реформирование государства становится возможным лишь на основе перестройки сознания человека.

Творческое прочтение конфуцианских ценностей в традиционном китайском этнокультурном коде как принцип практической аксиологии позволяет руководству КНР подойти с новых позиций к пост-интерпретации философско-антропологической китайской системы речеповеденческих стереотипов, встроенных в координаты практических решений по формированию «гармоничного общества», что составляет квинтэссенцию новейшей идеологии Китая XXI века в сопряжении с реализацией концепции инжиниринга социализма с китайской спецификой.

Заключение

Ключевые идеологические понятия китайской культуры с точки зрения когнитивистики представляют собой большое исследовательское поле, вследствие чего анализ ключевых слов идеологической сферы китайской культуры с точки зрения теории и методов когнитивной идеологической терминологии может рассматриваться как новое направление, которое представляет собой симбиоз когнитивной лингвистики, семиотики, психолингвистики, переводоведения, терминоведения, политической лингвистики, машинного обучения и т. д.

Современная структура китайской коммунистической идеологии и руководства включает в себя как достижения древнекитайской философии и народной культуры, конфуцианства и даосизма. Терминологическая система идеологии КНР отражает сложный и длительный путь эволюции китайской цивилизации, которая не замкнулась на самой себе, демонстрируя гибкость в трансформирующихся социально-экономических условиях нового времени, что стало основанием феномена китаизации марксизма и нового наполнения понятия го-

сударства как единой большой семьи, пронизанной чувствами искренности, верности

Пространство безусловной гармонии, в координатах которой описывается китайская картина мира, несмотря на запутанность нечёткой логики, проявляющуюся как устойчивость социальных связей (гуаньси) и некоторая стихийность власти, является яркой иллюстрацией влияния Великого Пути «дао» на определение места каждого человека в жизни общества, незримо присутствуя в каждом мгновении вне зависимости от осознания момента.

Когнитивный базис понятий духовной культуры Китая определён функциональностью идеологической политики КНР, которая обладает гибкостью реагирования, в связи с чем исследователи подчёркивают: «Нельзя не поражаться необыкновенной действенности власти в Китае, которая была способна держать в повиновении и при необходимости мобилизовывать и направлять гигантские массы людей, почти не прибегая к принуждению. Большинство жителей Сре-

динной империи умирали, так и не увидев в лицо не то, что государственного чиновника, но и даже его представителей из числа мелкого служивого люда. Но кто скажет, что в Китае не было Порядка?»¹. Лингвофилософские и идеолого-политические характеристики китайской картины мира отличаются яркой метафорикой, глубоким символизмом, широкой сетью ассоциаций, позволяя увидеть поликомпонентность и глубину китайских представлений о политике, идеологии, обществе и человеке в целом.

Представленная классификация показывает, что в китайском мироощущении власть характеризуется стихийностью своего проявления, аналогично процессам, которые протекающим в природе, исключая насилие и произвол, поскольку они нарушают гармонию в мире. В связи с этим ключевые понятия идеологической сферы в китайском языке отражают устремлённость китайского общества на достижение гармонии как внутри человека, так и в самом обществе с учётом традиционного китайского ценностного этнокультурного кода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Л., Карабулатова И. С., Цзоу Ц. Моделирование социально-экономического и демографического развития трансграничных регионов (на примере российско-китайского приграничья) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 4. С. 26–51. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.2.
2. Забияко А. П., Забияко А. А. Русские Трёхречья. Основы этнической самобытности; перевод с китайского языка Чжан Жуяна и др. Новосибирск: Изд-во Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), 2017. 339 с.
3. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 262 с.
4. Моделирование би-/полилингвизма у детей в смешанных семьях в российско-китайском приграничье с использованием методов нейросети / Лю Жуйхуа, И. С. Карабулатова, Сунь Чао, Ю. Е. Гапанюк, В. И. Терехов // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-1 (57). С. 130–134.
5. Ма На. Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его влияние на русский и китайский языки и культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-3 (50). С. 122–127.
6. Жданова Н. А. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах: на материале китайского этнолекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2016. 18 с.
7. Ян Цзэ. Забайкально-маньчжурский преиджин: опыт социолингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67–74.

¹ Искусство управления; сост., пер., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. М.: Изд-во «Астрель»; «Изд-во АСТ», 2004. С. 11.

8. Данильченко Т. Ю., Синь Юйфэн, Ши Цюн. Китай: к проблеме трансформации культурного кода // Культурная жизнь Юга России. 2023. № 2 (89). С. 35–41, DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-35-41.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 282 с.
10. Савицкий В. М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62.
11. Власова Е. В., Шапошников Г. Н. Философские основы китайской культуры. Екатеринбург: УГМУ, 2014. 122 с.
12. Huilin H. Chinese Cultural Policy: History, Formation and Characteristics // Journal of Forensic Legal & Investigative Sciences. 2019. Vol. 5. Iss. 2. Article 030. DOI: 10.24966/FLIS-733X/100030.
13. Переломов Л. С. Конфуций «Лунь юй»: исслед., пер. с кит., коммент. М.: Восточная литература РАН, 1998. 588 с.
14. Максименко О. И., Ахренова Н. А., Беляков М. В. Сдвиги в коммуникативной семантике медиадискурса // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 69–80. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-69-80.
15. Галенович Ю. М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 390 с.
16. Gumperz J. J., Levinson S. C. Rethinking Linguistic Relativity // Current Anthropology. 1991. Vol. 32. No. 5. P. 613–623.
17. Карабулатова И. С., Чжан Л. Вербальная дискриминация в медиапространстве как отражение осмысления речеповеденческой агрессии: различия в трактовках Востока и Запада // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 2. С. 18–39. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39.
18. 陈雪. 认知术语学核心术语研究[D]. 黑龙江大学博士学位论文, 2014. 104-105页.
19. Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System / Y. Gapanyuk, C. Cai, C. Jia, I. Karabulatova // Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII: Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics (October 21-25, 2024, Moscow, Russia) / eds. B. Kryzhanovsky, W. Dunin-Barkowski, V. Redko, Y. Tiumentsev, D. Yudin. Cham: Springer, 2024. P. 523–550. DOI: 10.1007/978-3-031-80463-2_49 (Studies in Computational Intelligence, Vol. 1179).
20. Zhang-Hua Tan. Fuzzy Metalgraph and Its Combination with the Indexing Approach in Rule-Based Systems // IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. 2006. Vol. 18. Iss. 6. P. 829–841. DOI: 10.1109/TKDE.2006.96.
21. Мациевский С. В., Толстель О. В. Нечеткие системы. Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. Иммануила Канта, 2006. 241 с.
22. Калинин И. Тартуско-Московская семиотическая школа: семиотическая модель культуры / культурная модель семиотики // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98). С. 27–55.
23. Britton E. R., Austin Th. Y. Critical and Dominant Language Learner Ideologies: A Case Study of Two Chinese Writers' Experiences with a Critical Language Writing Pedagogy // Tesol Quartely. 2021. Vol. 56. Iss. 2. P. 629–655. DOI: 10.1002/tesq.3086.
24. Столярова В. Ф. Копулы и моделирование зависимости: косвенные оценки интенсивности рискованного поведения // Компьютерные инструменты в образовании. 2018. № 3. С. 22–37. DOI: 10.32603/2071-2340-3-22-37.
25. 赵树功. 气与中国文学理论体系构建[M]. 北京: 人民出版社, 2012. 474页.
26. Метафорическая эвфемизация нейропсихологической коммуникации в терминологии традиционной китайской медицины / И. С. Карабулатова, Ч. Ко, Ц. Сунь, М. М. Иванова-Якушко // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 33–51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-33-51.
27. Metaphorical Terminology in Ancient Texts of Traditional Chinese Medicine: Problems of Understanding and Translation (Метафорическая терминология в древних текстах традиционной китайской медицины: проблемы понимания и перевода) / Ц. Сунь, И. С. Карабулатова, Ц. Цзоу, Ч. Ко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 6. С. 141–157. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.6.10.

28. Сон Л. П. Интернет-коммуникация: механизм восприятия и понимания речи // Казанская наука. 2022. № 3. С. 177–180.
29. 张立文. 性[M].北京: 中国人民大学出版社, 1996. 391页.
30. Чебунин А. В. Аксиологический аспект идеологии КНР // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 2. С. 26–36.
31. 张敏. 认知语言学与汉语名词短语[M].北京: 中国社会科学出版社, 1998. 50页.
32. Михайловская К. В. Категория идеологической модальности и особенности ее реализации в общественно-политическом тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 26–31.
33. Machine Learning Methods in the Problem of Attribution of Publicistic Texts of the XIX Century / A. Rogov, N. Moskin, K. Kulakov, R. Abramov // *Conference of Open Innovations Association, FRUCT. 2021. No. 30. P. 223–229. DOI: 10.23919/FRUCT53335.2021.9599961.*
34. Karabulatova I. S., Talanov M., Vallverdú J. 学术情感学视域下的情感智能结构——基于语言教学中神经认知知识与情感-表情模型的整合研究 // 外语学刊 (Foreign Language Research). 2024. No. 6. 32–40页. DOI: 16263/j.cnki.23-1071/h.2024.06.005.
35. 朱习文. 从“天”的异名看古人对天的认识 // [J]. 古籍整理研究学刊. 2011. No. 3. 79–82页.
36. 裴德思. 怎么翻译中华文明的核心词 // [J]. 中国科技术语. 2013. No. 4. 63–64页.
37. Хабаров А. А. Когнитивно-дискурсивные механизмы экстраполяции идеологии в китайской лингвокультуре // Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее: сборник научных статей; Институт иностранных языков ГАОУ ВО г. Москвы; Московский городской педагогический университет. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. С. 109–114.
38. Хабаров А. А. Демонизация Китая в зарубежных медиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91). С. 78–89. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_08.
39. На Цзунюань, Гуань Сюэцзюань, Карабулатова И. С. Game Toponymy: the Impact of Localization of Chinese Video Games on Their Translation (Игровая топонимика: влияние локализации китайских видеоигр на их перевод) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 9 (890). С. 134–142.
40. Хабаров А. А. Идеологические детерминанты институционализации образа Си Цзиньпина в китайском медиадискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. № 67. С. 103–119. URL: <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 10.02.2025).
41. Ся Мэн, Царева Н. Ю. Культура Китая: страницы прошлого. М.: Наука – Восточная литература, 2019. 190 с.

REFERENCES

1. Wang, L., Karabulatova, I. S. & Zou, J. (2024). Modeling the socio-economic and demographic development of transborder regions (the example of the Russian-Chinese border territories). In: *DEMIS. Demographic research*, 4 (4), 26–51. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.2 (in Russ.).
2. Zabayako, A. P. & Zabayako, A. A. (2017). *Russians of the Three Rivers Region. Foundations of Ethnic Identity*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAE SB RAS) publ. (in Russ.).
3. Oglezneva, E. A. (2007). *Russian-Chinese Pidgin: An Attempt at Sociolinguistic Description*. Blagoveshchensk: Amur State University publ. (in Russ.).
4. Liu, Zh., Karabulatova, I. S., Sun, Ch., Gapanjuk, Yu. E. & Terekhov, V. I. (2024). Modeling of bi-linguism in children in mixed families in the Russian-Chinese border area using neural network methods. In: *Cognitive Studies of Language*, 1-1 (57), 130–134 (in Russ.).
5. Ma, Na (2015). The Harbin Russian-Chinese pidgin of the first half of the XX century and its influence on the Russian and Chinese languages and cultures. In: *Philology. Theory & Practice*, 8-3 (50), 122–127 (in Russ.).
6. Zhdanova, N. A. (2016). *Modern Russian-Chinese pidgin of Transbaikalia in structural-systemic and communicative aspects: based on the Chinese ethnolect [dissertation]*. Ulan-Ude (in Russ.).
7. Jang, Dze (2007). Trans-Baikal prepigin. A sociolinguistic study. In: *Topics in the study of language*, 2, 67–74 (in Russ.).

8. Danilchenko, T. Yu., Xin, Yu. & Shi, Q. (2023). China: toward the transformation of the cultural code. In: *Cultural Studies of Russian South*, 2 (89), 35–41, DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-35-41.
9. Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: lecture course*. Moscow: Gnozis publ. (in Russ.).
10. Savitsky, V. M. (2016). The concept of linguocultural codes: a rationale the theoretical substantiation of the concept of linguocultural codes. In: *Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics*, 2, 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62 (in Russ.).
11. Vlasova, E. V. & Shaposhnikov, G. N. (2014). *Philosophical foundations of Chinese culture*. Ekaterinburg: Ural State Medical University publ. (in Russ.).
12. Huilin, H. (2019). Chinese Cultural Policy: History, Formation and Characteristics. In: *Journal of Forensic Legal & Investigative Sciences*, 5 (2), article 030. DOI: 10.24966/FLIS-733X/100030.
13. Perelomov, L. S. (1998). *Confucius "Analects"*. Moscow: Vostochnaya literatura publ. (in Russ.).
14. Maksimenko, O. I., Akhrenova, N. A. & Belyakov, M. V. (2024). Shifts in communicative semantics in the media discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 69–80. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-69-80 (in Russ.).
15. Galenovich, Yu. M. (2006). *Hu Jintao's motto: social harmony in China*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli publ. (in Russ.).
16. Gumperz, J. J. & Levinson, S. C. (1991). Rethinking Linguistic Relativity. In: *Current Anthropology*, 32 (5), 613–623.
17. Karabulatova, I. S. & Zhang, L. (2024). Verbal discrimination in the media space as a reflection of understanding of speech and behavioral aggression: differences in interpretations of East and West. In: *Keys of Contemporary Linguistics*, 2, 18–39. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39 (in Russ.).
18. 陈雪. (2014). 认知术语学核心术语研究[D]. 黑龙江大学博士学位论文, 104-105页.
19. Gapanyuk, Y., Cai, C., Jia, C. & Karabulatova, I. (2024). Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System. In: *Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII: Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics (October 21–25, 2024, Moscow, Russia)*. Cham: Springer, 523–550. DOI: 10.1007/978-3-031-80463-2_49 (Studies in Computational Intelligence, Vol. 1179) (in Russ.).
20. Zhang-Hua, Tan. (2006). Fuzzy Metalgraph and Its Combination with the Indexing Approach in Rule-Based Systems. In: *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*, 18 (6), 829–841. DOI: 10.1109/TKDE.2006.96.
21. Matsievsky, S. V. & Tolstel, O. V. (2006). *Fuzzy systems*. Kaliningrad: Immanuel Kant State University of Russia publ. (in Russ.).
22. Kalinin, I. (2009). Tartu-Moscow semiotic school: semiotic model of culture / cultural model of semiotics. In: *New Literary Review*, 4 (98), 27–55 (in Russ.).
23. Britton, E. R. & Austin, Th. Y. (2021). Critical and Dominant Language Learner Ideologies: A Case Study of Two Chinese Writers' Experiences with a Critical Language Writing Pedagogy. In: *Tesol Quarterly*, 56 (2), 629–655. DOI: 10.1002/tesq.3086.
24. Stoliarova, V. F. (2018). Copulae and Dependence Modelling: Indirect Estimates of a Person's Risky Behavior Intensit. In: *Computer Tools in Education*, 3, 22–37. DOI: 10.32603/2071-2340-3-22-37 (in Russ.).
25. 赵树功. (2012). 气与中国文学理论体系构建[M].北京: 人民出版社.
26. Karabulatova, I. S., Kuo, Ch., Sun, Q. & Ivanova-Yakushko, M. M. (2024). Metaphorical euphemization of neuropsychophysiological communication in the terminology of traditional Chinese medicine. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 33–51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-33-51 (in Russ.).
27. Sun, Q., Karabulatova, I. S., Zou, J. & Kuo, Ch. (2024). Metaphorical Terminology in Ancient Texts of Traditional Chinese Medicine: Problems of Understanding and Translation. In: *Science journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23 (6), 141–157. DOI: 10.15688/jvolsu.2024.6.10.
28. Son, L. P. (2022). Сон Л. П. Internet communication: the mechanism of perception and understanding of speech. In: *Kazan Science*, 3, 177–180 (in Russ.).
29. 张立文. (1996). 性[M].北京: 中国人民大学出版社.
30. Chebunin, A. V. (2024). The Axiological Aspect of The Ideology of the PRC. In: *Bulletin of Buryat State University*, 2, 26–36 (in Russ.).

31. 张敏 (1998). 认知语言学与汉语名词短语[M].北京: 中国社会科学出版社.
32. Mikhailovskaya, K. V. (2010). The category of ideological modality and the features of its implementation in a socio-political text. In: *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Linguistics*, 3, 26–31 (in Russ.).
33. Rogov, A., Moskin, N., Kulakov, K. & Abramov, R. (2021). Machine Learning Methods in the Problem of Attribution of Publicistic Texts of the XIX Century. In: *Conference of Open Innovations Association, FRUCT*, 30, 223–229. DOI: 10.23919/FRUCT53335.2021.9599961.
34. Karabulatova, I. S., Talanov, M. & Vallverdú, J. (2024). 学术情感学视域下的情感智能结构——基于语言教学中神经认知知识与情感-表情模型的整合研究 In: *外语学刊 (Foreign Language Research)*, 6, 32–40. DOI: 16263/j.cnki.23-1071/h.2024.06.005.
35. 朱习文. (2011). 从“天”的异名看古人对天的认识. In: *籍整理研究学刊*, 3, 79–82.
36. 裴德思. (2013). 怎么翻译中华文明的核心词. In: *中国科技术语*, 4, 63–64.
37. Khabarov, A. A. (2022). Cognitive-discursive mechanisms of extrapolation of ideology in Chinese linguaculture. In: *Teaching Chinese language and culture: past, present, future*. Moscow: Yazyki Narodov Mira publ., pp. 109–114 (in Russ.).
38. Khabarov, A. A. (2022). Demonization of China in foreign mass media: discursive means of destruction of the information and psychological warfare targets. In: *Political linguistics*, 1 (91), 78–89. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_08 (in Russ.).
39. Na, Junyuan, Guan, Xiujuan & Karabulatova, I. S. (2024). Game Toponymy: the Impact of Localization of Chinese Video Games on Their Translation. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9 (890), 134–142.
40. Khabarov, A. A. (2022). Ideological determinants of image institutionalization Xi Jinping in the Chinese media discourse. In: *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 67, 103–119. URL: <http://tverlingua.ru/> (accessed: 10.02.2025) (in Russ.).
41. Xia, Meng & Tsareva, N. Yu. (2019). *The Culture of China: Pages of the Past*. Moscow: Nauka publ., Vostochnaya literatura publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сунь Цюхуа (г. Харбин, КНР) – доктор филологических наук, профессор, директор Международного института иностранных языков и культур, начальник отдела по международному сотрудничеству Хэйлунцзянского университета;

<https://orcid.org/0000-0002-1959-7180>; e-mail: sunqihua15@163.com

Карабулатова Ирина Советовна (г. Москва, Россия – г. Харбин, КНР) – доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра цифровых гуманитарных технологий Института русского языка Хэйлунцзянского университета; ведущий научный сотрудник лаборатории «Семантический анализ и машинное обучение» Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

<https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>; e-mail: radogost2000@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sun Qihua (Harbin, China) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Director of the International Institute of Foreign Languages and Cultures, Departmental Head, Department of International Cooperation at Heilongjiang University;

<https://orcid.org/0000-0002-1959-7180>, e-mail: sunqihua15@163.com

Irina S. Karabulatova (Moscow, Russia – Harbin, China) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Research Center for Digital Humanities, Institute of Russian language, Heilongjiang University; Leading Researcher, Laboratory “Semantic Analysis and Machine Learning”, Institute for Advanced Study of Artificial Intelligence and Intelligent Systems, Lomonosov Moscow State University; Prof., Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

<https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>; e-mail: radogost2000@mail.ru